

КОНДРАТОВА Галина Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 76 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 5 учебных пособий

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВЫЗОВОВ (философско-исторический анализ)

История России есть история ее ответов на социокультурные вызовы Запада, Востока, Юга. Ведущим из них является европейский, в первую очередь, мировоззренческий вызов, который с IX века осуществлялся разными средствами и определял особенности идейно-политических и социально-экономических трансформаций в России. В XX веке началась либерализация, повлекшая вестернизацию всех сфер жизни российского общества.

Ключевые слова: *социокультурный кризис, целостность, социокультурный архетип, вестернизация.*

На рубеже XX–XXI веков Россия переживает тотальный кризис культуры как продолжение социально-экономического и политического распада СССР. В этих условиях особенно важно понять, какова базовая ценность, составляющая ядро ее традиционной культуры, каковы объективные и субъективные причины, а также содержание самого кризиса. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выбрать такую онтологическую точку отсчета, чтобы с ее высоты увидеть исторический путь развития нашей страны и понять его направленность в контексте «Вызов–Ответ» А. Тойнби. Мы будем опираться на концепцию антропокосмизма В.Н. Сагатовского, включающего трансцендентную реальность как высший необъективируемый

уровень бытия человека, Дух, «присутствие которого фиксируется в (его. – Г.К.) ...духовном состоянии»¹. Однако добавим к сказанному: человек не только был связан с ней своим отношением, но и стремился познать ее, что, однако, ограничилось формированием в его сознании символических образов непознаваемого: Дао, Браммы, Света, Хаоса, Бога; в философии – Абсолют, Дух, трансцендентность. По нашему мнению, это и есть предельно неизменяемый социокультурный архетип, выделенный К. Юнгом в качестве ядра коллективного бессознательного, в котором «заклучен родовой опыт поколений», являющийся «квинтэссенцией национальной души»². Он обуславливает традиционную систему ценностей, специфику

социокультурных форм единства народа, направленность деятельности его поколений и динамику созданного им общества. Носителями архетипа являются родовые поколения, а «местом хранения» – их коллективное бессознательное. Будучи отражением трансцендентности, он предстает как **целостность**, код культуры, сохранение которого обеспечивает историческое бытие народа, создавшего его. Даже если сам носитель уходит из истории, социокультурный **арх**-етип (**хра**-нящий) остается, пополняя социокультурный тезаурус человечества, откуда он может быть извлечен в той или иной степени и использован другими народами. Таким образом, архетип есть надисторический феномен, через который человек связан своим отношением с Инобытием. Можно не принимать его религиозный характер, т. е. быть атеистом, но, признавая его в гносеологическом значении, мы восстанавливаем феноменологическое единство познаваемого.

Вводя трансцендентную реальность в ее символическом выражении, мы получаем возможность понять механизм исторического развития. Сначала разведем несистемное и системное значение категории «целостность». В сознании человека, живущего в объективной системной реальности, инобытие мыслится как противоположное ей по своим качествам: оно непредикативно, необъективируемо, неразложимо, вечно и бесконечно. П.А. Флоренский утверждал, что здесь «тело утрачивает протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость»³. Отсюда делаем вывод, что инобытие и бытие есть две зеркально противоположные реальности, одну из которых человек воспринимает и изучает, а присутствие другой только чувствует на уровне глубокого подсознания и может либо принимать, либо отрицать это ощущение на уровне сознания. Обозначив соотношение трансцендентности и объективной реальности как двух зеркально противоположных, но не антагонистических полюсов, мы логически подошли к выводу о зеркальной полюсности самой системной реальности, т. е. того,

что в философии обозначено как соотношение идеального и материального, при этом идеальное оказывается промежуточным феноменом между трансцендентностью и объективной действительностью. В математике П.А. Флоренский обозначил это соотношение как соотношение действительных, полумнимых и мнимых чисел. Наличие двух полюсов: идеального символического и материальной системы – объясняет источник системного процесса: трансцендентность своим присутствием за пределами системной реальности задает ее структурные преобразования, составляющие процесс становления и развития мира, направляя его к сохранению целостности, т. е. к сохранению бытия. Эта закономерность раскрывается в той или иной степени во всех философских концепциях. Например, в 20-е годы XX века австрийский социолог и философ О. Шпанн, сформулировал закон реструктуризации, согласно которому «процесс... осуществляется как последовательность деструкции и воспроизведения структуры», причем «исчезновение есть возвращение к... своему истоку»⁴. Мы же интерпретируем динамику перехода от одного полюса к другому как закон системного развития, чтобы выразить его на универсальном языке системного подхода. Согласно ему, системная действительность представляет собой пространственно-временной континуум, формируемый последовательно сменяющимися друг друга типами структур: от **системной целостности** к конгломерату, суммативной структуре и **целостной системе**, чтобы затем пройти эти же этапы в обратном порядке, выйдя на завершение одного периода становления и развития, т. е. вернуться в состояние новой **системной целостности**. При этом предикат и сущность начального состояния меняются местами, когда системная действительность достигает максимально выраженной формы, т. е. сначала эмпирической, а затем онтологической зрелости. Переход от конгломерата к суммативной структуре на первой стадии интеграции, и от нее к конгломерату на второй стадии дезинтеграции осуществляется скачком через хаос

(кризис), смысл которого заключается в выборе наиболее жизнеспособных устойчивых структур, способных выдержать коллапс и вывести системный континуум на новый период своего существования. Эта динамическая модель есть лишь каркас системного процесса, раскрытие всей сложности которого выходит за пределы данной статьи.

Применяя предлагаемую модель к анализу социокультурной динамики, отметим, что началом каждого периода является рождение варианта идеи сохранения бытия народа, которая обретая своих носителей, преломляется в их сознании в специфическую идеологическую систему, на основе которой могут структурироваться партии. Политическая борьба между ними есть проявление первого структурного кризиса, т. к. решается вопрос, за кем из лидеров пойдет народ. В результате начинает складываться политическая, социальная и экономическая структуры, относительная гармония и расцвет которых свидетельствует о завершении первой интеграционной стадии периода и начале второй, дезинтеграционной. Второй, более разрушительный кризис приводит к распаду (полному/неполному) всех общественных структур, что ставит под вопрос само существование общества. Это заставляет его переосмысливать систему ценностей, восстанавливать свой духовный исток, выбирая вариант, обеспечивающий сохранение своего единства, а значит, и бытия, чтобы выйти на следующий период развития. Рассматривая современное состояние России на фоне всего ее существования как православной монархической системы, можно сказать, что она завершает один цивилизационный период, в рамках которого ею пройдены шесть периодов политического развития. Финал — это всегда внешняя и внутренняя деструкция, социокультурный коллапс, то, что А. Тойнби назвал «Раскол-Паленгенез», Л. Гумилёв — состоянием конца-начала. Он усилен тем, что завершение цивилизационного периода существования России совпало с концом советского политического периода. Таким образом, первой причиной ее современного

тотального кризиса является действие объективного закона системного развития.

Исток второй объективной причины кроется в экстремальном геополитическом положении Российской цивилизации, а именно: она находится в пространстве между цивилизационными мирами: западно-христианским, восточным и исламским. Каждый из них развивался в соответствии со своим религиозным принципом. Восточное славянство основывало монархическую государственность в IX веке не на язычестве, а на ведизме, родственном древнеиндийскому ведизму, лежащему в основании современной индийской цивилизации. Базовой ценностью для славян была любовь к родной земле как духовное средство, обеспечивающее максимальное единство народа в условиях открытости славянства внешнему миру. Следствием этого стали постоянно повторяющиеся вызовы со стороны сопредельных культур Востока, Запада и Юга: вся российская история состоит из цепи постоянно повторяющихся ответов на них, без которых ей было бы невозможно сохранить свое бытие.

История показывает, что самыми разрушительными оказались вызовы со стороны западноевропейской цивилизации, среди которых обратим внимание только на мировоззренческие. Первым вызовом стало проникновение на Русь христианства в IX веке, на который восточное славянство ответило, по словам А.В. Карташёва, «чистым сознательным двоеверием, как обычным явлением в народной жизни»⁵. Кроме того, вызов коснулся и славянского письменного языка, приспособленного к греческим переводам Библии. Сознательность была постепенно утрачена после замены ведических богов христианскими святыми, а затем ведических праздников христианскими. Но ведизм остался на подсознательном уровне у большинства народа до настоящего времени, существуя в сказках, легендах, в русской народной словесности.

XVII век стал временем начала расцвета Российской православной цивилизации, но начиная со времен Смуты ей пришлось вести

непрерывные войны с католическо-протестантской Европой, дополненные нарастающими столкновениями с исламской Портой на юге. В этих условиях внешнего военно-политического вызова начинается второй мировоззренческий вызов со стороны Запада через посредство греко-католицизма, более скрытого, а потому более разрушительного по своим последствиям. Опасность его осознавал лидер традиционализма Аввакум, который, в частности, предупреждал русского царя Алексея Михайловича: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его и в церкви, и в дому и в пословицах»⁶, – писал он царю. Ответ России оказался недостаточным – начался не только духовно-церковный раскол, но был нарушен и принцип самодержавия, только что закрепленный в то же самое время в Соборном Уложении. Государство, писал А.В. Карташев, «непоследовательно уступило церкви в ее уже устаревшем праве быть в экономике и административном праве двойником государственного организма, своеобразным удельным государством, пережитком системы уже упраздненной объединением Московского государства»⁷. Раскол стал свидетельством того, что Российская православная цивилизация вступила в стадию дезинтеграции. К началу XVIII века ослабленная духовно она оказалась под угрозой европейской колонизации, что заставило Петра Первого, действуя на опережение, провести тотальную военно-политическую, экономическую и частичную культурную модернизацию. Превращенная таким образом в мощную военную империю, выдерживая открытые военно-политические вызовы с Запада и Юга, Россия, однако, не смогла дать адекватный ответ на третий западноевропейский социокультурный вызов – европеизацию образа жизни и языка политической элиты, проводимую последующими поколениями династии Романовых. Тяжелые последствия «европейской прививки» (бироновщина), поставившие Россию под угрозу потери национальной независимости, несколько ослабила Екатерина II, частично восстановив-

шая национальные начала. Но внеся в сознание дворянства идею личной свободы, прямо противоположную традиционной идее национальной свободы, она способствовала окончательному превращению русского дворянства в полу-европейцев, постепенно утрачивающих национальную идентичность. Тем самым, в условиях продолжающегося расцвета Российской цивилизации духовно-церковный раскол был дополнен социально-политическим и культурно-мировоззренческим расколом русского общества. XIX век оказался временем массированного наступления объединяющейся Европы на Россию, при этом военные победы последней оборачивались усилением внутренней оппозиции власти со стороны растущей части образованного общества. В начале XX века она подверглась тотальному внешнему и внутреннему натиску Европы как с Запада, так и с Востока через Японию, стремившуюся преодолеть свой распад за счет раздела России. Три войны и три революции привели к падению Российской империи, но произошла неожиданная, на первый взгляд, социокультурная метаморфоза. На обломках «великой неделимой России» стал вырастать «великий могучий Советский Союз», в котором были сохранены традиционные формы жизни народа, доведенные до абсолютизма угрозой новой войны. Победа во Второй мировой войне и рост влияния СССР послужил толчком к четвертому мировоззренческому вызову в виде идеи антикоммунизма и антисоветизма, которым Запад противопоставил идею либерализма в виде лозунга борьбы за личную свободу и права человека. Крайним проявлением этого стала вестернизация национальных культур с одновременно проводимой политикой создания мультикультурного общества. Советская социально-политическая и экономическая система не смогла дать адекватный ответ на этот вызов и полностью распалась, но сам процесс распада продолжается на уровне внутренних мировоззренческих структур.

Встает вопрос, почему Запад постоянно создает ситуацию вызова, причем не только

для России? В чем заключаются его мировоззренческие особенности? Ответ надо искать в специфике западного христианства – католичестве. Главное отличие европейской цивилизации от всех других заключается в том, что она развивалась в сторону все большего отрицания человеком высшего начала. Причина тому – особенность христианского символического образа. Если в восточных цивилизациях оно оставалось безличным, в исламе – милостивым, требовавшим покорности от человека, но не родственным ему, то в христианстве оно предстало сверхличностью Отца, по отношению к которому человек стал чадом. Тем самым закладывалась возможность изменения его отношения к Отцу: от полного подчинения божественной воле до полного отрицания Бога, т. е. христианство стало самой историчной религиозно-философской мировоззренческой системой. Ее эволюция прошла через три качественных формы: от евангельского понимания Бога как Любви к освобождению от власти католической церкви в XVI веке (Реформацию) и к атеизму под знаменем просвещенного либерализма (отказ от власти Бога) в XIX веке. Сакральный христианский принцип был заменен профанным принципом личной свободы исповедания веры, человек поставил себя на место Бога, что породило религиозные течения, сформированные в разное время различными интерпретаторами. Таким образом, атеизм стал зеркальным отражением и исторически закономерной формой существования католического направления в христианстве, свидетельствующим о расцвете европейской цивилизации в целом. Ницше выразил это состояние в концепции имморального сверхчеловека, которая в XX веке

послужила почвой для зарождения идеологии мирового господства в форме расизма, мировой революции, фашизма. Вторая мировая война дискредитировала эти идеологические системы, поэтому на исходе XX века они трансформировались в идею глобализации, в которой объективный процесс интеграции человечества как много-образного целого на принципе «Единое во Многом» подменяется созданием однообразного мирового тоталитарного сообщества под эгидой Запада на принципе «Многое в Одном». Ведущим идеологическим средством остается идея либерализма, которая трансформируется в постмодернизм, т. е. в идеологическое средство, позволяющее, по словам Панарина, «освободить класс собственников от сковывающих его национальных и социальных ограничений»⁸. Таким образом, главное отличие Российской цивилизации от Западной, несмотря на то, что они выстроены, казалось бы, на одном христианском принципе, является прямо противоположное понимание идеи человеческой свободы. Для православного человека личная свобода всегда соотносится с идеей общего блага и служения своему Отечеству, для католическо-протестантского человека главное – это достижение предельно возможной личной свободы за счет несвободы других. Перед Россией стоит трудная задача: дать очередной ответ на мировоззренческий вызов католическо-протестантского мира. Но для этого необходимо не допустить перекодирования бессознательного, в очередной раз найдя соответствие между неизменяемым традиционным архетипом культуры, играющим роль социокультурного генома, и внешними изменяющимися формами единства народа.

Примечания

¹ Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Философские основы мировоззрения. Ч. III. Антропология. СПб., 1999. С. 37.

² Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке: в 19 т. Т. 15. М., 1992. С. 149–150.

³ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С. 50.

⁴ См.: Шпанн О. Философия истории / пер. с нем. К.В. Лоцевского. СПб., 2005.

⁵ Карташёв А.В. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 240.

⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / авт. коммент. Н.К. Гудзий и др.; вступ. ст. Г.М. Прохорова. Архангельск, 1990. С. 108.

⁷ Карташёв А.В. Указ. соч. С. 217.

⁸ Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от национальных и социальных обязательств // Вопр. философии. 2003. № 6. С. 18.

Kondratova Galina Alexandrovna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

RUSSIAN CIVILIZATION IN THE SYSTEM OF SOCIOCULTURAL CHALLENGES (Philosophical and Historical Analysis)

The history of Russia is a history of its responding to sociocultural challenges of the West, East and the South, the main challenge being the European one and, in the first place, a world-view challenge, which since the 9th century has been issued by various means and which determined the special character of ideological, political and socioeconomic transformations in Russia. The 20th century marked the beginning of liberalization which entailed westernization of all spheres of the Russian society.

Key words: *sociocultural crisis, integrity, sociocultural archetype, westernization.*

*Контактная информация:
e-mail: nicv2006@yandex.ru*

Рецензент – Дрегалю А.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и менеджмента Института управления и регионологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова